

Политизация досуга в 1917–1925 гг.: структура и формы клубов

С. В. Яров

Европейский университет (Санкт-Петербург)

Клуб с 1919–1920-х гг. стал все чаще называться центром воспитательной работы¹, но первые сколько-нибудь заметные попытки наметить его цели и приемы работы были предприняты только с начала 1920-х гг. Тогда это было особенно важным для агитпропарботников. Развлечения эпохи НЭПа, не очень контролируемые и не всегда политизированные, связывались с проклинаемыми прессой пивными, казино, ресторанами, и всегда чуткий к проявлениям идеологических шатаний А. С. Бубнов считал в это время, что «если рабочий класс после работы ищет развлечения, то, конечно, нужно сделать так, чтобы он шел не в мелкобуржуазный кабак, не в подлое кино, а в наш клуб»². Особенность дискуссий 1920–1921 гг. о центрах воспитания точно обрисовал известный петроградский политпросветработник В. Сорокин, подчеркнувший, что клуб «у одних превращается чуть ли не в школу, у других – в место танцулек или чайную»³.

Такие же полярные оценки целей клубной работы проявились и во время известной дискуссии 1922–1923 гг., в которой участвовали Главполитпросвет, Пролеткульт и культотделы профсоюзов. Позиция Главполитпросвета была далеко не однозначной. «Засушивать» клуб школой он не собирался, хотя делал акцент на его «образовательных» функциях. Культотделы, как могли, противились этому. Конфликт углублялся межведомственными раздорами, поздравлениями в том, что клубы хотят отнять у профсоюзов. В средствах стороны не стеснялись, утрируя взгляды друг друга. Отчасти аргументы, прозвучавшие в этой дискуссии, были восприняты и позднее в историографии, в частности, в содержательной диссертации А. К. Колесовой, утверждавшей, что культотделы ориентировались «не на передовые слои рабочих, а на отсталую массу, они отстаивали “привычные” для нее формы отдыха (кабак, пивную)...»⁴. Ничего, кроме проклятий кабакам и пивным, в докумен-

тах профсоюзов мы не обнаружим, а в циркулярном письме ЦК Всероссийского Союза рабочих металлистов (июль 1922 г.) можно найти и сечения на то, что «существующие клубы мало или совсем не отвечают назначению раньше всего вовлекать рабочих в дело просвещения» и что клуб «не является продуктом их массового стремления к знанию»⁵. В резолюции V Всероссийского съезда профсоюзов (1922 г.) «О культработе» никакого активного неприятия «клубной» школы не выказывалось, а делался лишь осторожный вывод о том, что «клуб должен быть не только очагом пролетарского просвещения... но и местом отдыха рабочего»⁶.

Активная и скрупулезная разработка клубных программ в начале 1920-х гг. была обусловлена несколькими причинами. Среди них – снятие клубов с государственного обеспечения, что заставляло особенно настойчиво размышлять о путях их выживания, появление кабаре, казино и пивных, в которых видели помеху пролетарскому досугу, расширение агитпроппарата, оправдывавшего свое существование фабрикацией инструкций, наставлений, директивных писем в куда больших размерах, нежели раньше. Предложение действенных мер по обновлению клубов обычно предварял обзор недугов, среди которых значимое место традиционно отводилось стремлению к «халтуре» ради самоокупаемости и преобладанию развлекательных концертов, спектаклей и особенно «танцулек». В этом клубные работники были почти едины, разногласия обнаруживались тогда, когда пытались наметить основные цели клубов. Эти разногласия иногда трудно выявить под наслоениями канцелярского агитпроповского языка, сплошь пропитанного однообразными штампами, хотя и в разных сочетаниях. Сравнивая ряд документов, нетрудно заметить различия в подходах их авторов к определению содержания клубной работы, но трудно понять, есть ли за их общими фразами нечто существенное или они воспроизвели механически, как заклинания, обязательные большевистские догматы. В циркуляре Главполитпросвета «О ближайших задачах клубов» (1922 г.) говорилось о том, что главными в клубе будут вопросы производства⁷, а в резолюции V съезда профсоюзов «О культработе» клуб рассматривался как место «пропаганды классовой борьбы»⁸; ни то, ни другое никак детально не расшифровывалось. Большая определенность возникала, когда предлагались ос-

новые формы работы клубов. Подробнее всего они перечислены в тезисах «об агитационной работе политпросветорганов», подписанных Н. К. Крупской, А. С. Бубновым и С. Б. Ингуловым – это митинги, доклады, лекции, беседы, чтение газет вслух, спектакли, инсценировки, художественные вечера, устные газеты, политсуды, выставки⁹. В более общем виде, но признавая все то же сочетание «чистых» и «культурных» развлечений, рассматривалась организация клубов V съездом профсоюзов: «...вокруг клуба следует группировать культучреждения, обслуживающие бытовые общекультурные потребности рабочего (библиотеки, художественные и театральные студии, музыкальные, экскурсионные и спортивные кружки, хоры и т. п.)»¹⁰. В отмеченном циркуляре «О ближайших задачах клубов» рекомендовалось также проведение семейных вечеров и детских праздников – правда, «для самых отсталых масс».

В действительности круг форм клубной работы был значительно шире, чем это отражено в директивных документах агитпросветорганов. Последние не столько намечали и регулировали образование новых клубных структур (которые возникали скорее явочным порядком), сколько их узаконивали, и, что важно, стремились придать им агитационную направленность. Клубные кружки и целые отрасли клубной работы появлялись, укреплялись, разветвлялись и усложнялись вследствие переплетения различных причин. Здесь имели значение масштабы финансирования клубов и постоянность его источников, численность их участников и характер их импровизаций, наличие договоренностей с другими звеньями политпросветработы, «шефская помощь» со стороны промышленных предприятий, комсомола и других общественных организаций, массовый отклик на клубные спектакли и инсценировки и, наконец, технические возможности клубов. Клубные формы изначально являлись нестабильными, но важнее было то, что они зачастую не насаждались сверху, а возникали спонтанно и нередко естественно, удовлетворяя насущные потребности горожан. Они имели собственный, во многих случаях автономный код развития. Они прижились в городской среде, преимущественно фабрично-заводской и молодежной – а это способствовало в дальнейшем их более эффективной политизации.

Рабочие клубы, ставшие позднее образцом для клубов разных социальных и политических групп, именно в Петрограде получили наибольшее развитие, как во времена Первой русской революции, так и после Февраля 1917 г.¹¹ Клубы 1917–1918 гг. не были многочисленными. Их формы менялись и не были унифицированными. Как отмечала А. К. Колесова, это была эпоха «пробуждения интереса к клубам и их стихийного массового создания»¹². Эта стихийность чувствуется, когда наблюдаешь первичные клубные протоформы тех лет. Обычными клубами их назвать нельзя, можно отметить лишь те или иные звенья, которые со временем становились частью структур клубов. Они нередко сосуществовали автономно и не были связаны системой. Анкеты, полученные культпросветкомиссией при Центральном совете фабрично-заводских комитетов в феврале 1918 г., фиксируют только зачаточные, примитивные формы клубной деятельности в Петрограде. На нескольких предприятиях, согласно опросу, не было ни библиотек, ни культпросветкомиссий, ни спектаклей, ни лекций. Другие имели библиотеки с небольшим числом томов (от 100 до 800), где-то существовал любительский театр, руководимый профессиональным режиссером и даже имевший декорации, где-то заводской клуб занимал одну комнату – правда, и число рабочих там было чуть более 40 человек¹³.

Три обстоятельства и тогда, и позднее влияли на кристаллизацию собственно клубов, слияние разрозненных кружков и студий в одно целое и их дальнейшее развитие: наличие средств для содержания клуба, активность культпросветкомиссий, интерес к клубам со стороны горожан. Какое из них оказывалось решающим для судьбы клубов, выяснить крайне сложно. Скорее можно говорить о взаимозависимости этих факторов и их совокупном влиянии на генезис клубов. Импровизации и хаос являлись характерными приметами клубов первых послеоктябрьских лет. Хаотичность обычно порицалась, хотя нельзя отрицать, что в этом свособразном «естественном отборе» искали и находились (порой случайно) и более оптимальные и рациональные формы работы. С хаосом боролись – в Петрограде еще в 1919 г. были отмечены попытки централизации клубов. Этого стремились достичь двумя приемами: подчинением клубов единому центру и их укрупнением, неизбежным, если тре-

бовались инструменты эффективного контроля. Отчетливо эти тенденции проявились весной 1920 г. на конференции рабочих клубов Петрограда, но сделать на первых порах удалось немного. Говоря о состоянии клубов на рубеже 1910–1920-х гг., современники не очень-то стеснялись в оценках. Картина клубного быта того времени, представленная одной из статей начала 1920-х гг., хотя и отражает положение в целом по России, но (как это подтверждается рядом источников) вполне применима и к Петрограду: «Клубная работа велась под различными наименованиями: культурно-просветительные кружки, избы-читальни, народные дома и собственно клубы. Вел эту работу всевозможные организации: Внешкольный отдел, Пролеткульт, профсоюзы, Союз молодежи, Коммунистическая партия, многие наркоматы. В любом городе на одной и той же улице можно было найти (часто совсем рядом) несколько клубов, которые не только вели параллельную работу, но и часто даже конкурировали друг с другом»¹⁴.

В 1920 г. в Петрограде действовали 143 клуба, из них 109 рабочих, через год число их возросло до 166, хотя сеть рабочих клубов и не увеличивалась¹⁵. «Инфляцию» клубов прервал переход культурно-просветучреждений на самоокупаемость в 1922 г. Современники это событие описывали едва ли не в апокалиптических тонах. Слово «катастрофа» звучало чаще всего, хотя позднее более осмотрительно оценивали это событие как «кризис»¹⁶. Лихорадочно, где только могли, искали денег, и согласно постановлению ВЦСПС, ВСНХ и Наркомпроса (1922 г.) Петроградский губернский культотдел профсоюзов стал получать значительные отчисления от хозяйственных организаций¹⁷. Этим дело не ограничивалось, и Всероссийский Совет рабочих металлистов был вынужден направить в местные организации инструкцию о плате за посещения клубов. Характерны приоритеты, обозначенные в этом документе, — их отличают «классовый подход», политические расчеты и боязнь потерять контроль за содержанием работы клубных структур. Платить надо было только за посещение драматических и художественных (но не политических) кружков. В качестве компенсации допускалось «устройство платных выступлений названных кружков», но едва дав такое разрешение, его тут же обставили целым рядом оговорок: «платные выступления чаще двух раз в месяц безусловно

запрещаются», «платные постановки, во избежание вырождения плохого сорта [в] любительщину и халтуру¹⁸, разрешаются лишь в исключительных случаях как средство некоторого понижения размера платы, но не как единственное средство существования кружков»¹⁹. Политическая подоплека также заметна в определении тех, кто мог быть освобожден от платы – первыми названы «особенно способные и талантливые члены кружков», но к ним тут же добавлены «нуждающиеся рабочие» и, разумеется, члены РКСМ²⁰. Как видим, сокращение пытались использовать не только как акт рационализации работы, но и как инструмент политического отбора, своеобразной чистки посетителей клуба – тем более значительной, что крики о засилье там «чуждого», непролетарского элемента довольно часто раздавались в это время. Обычно ликвидировались, по выражению одного из партработников Петрограда, «мелкие нежизненные клубы»²¹ либо те, которые не имели финансового обеспечения²², но к концу 1922 г. удалось, наконец, приостановить полувивший столь громкий отклик «переход».

Существовало несколько видов клубов. Клубы при предприятиях стали организовываться еще после Февральской революции, но число их существенно увеличилось лишь после Октября 1917 г.²³ Клубы были открыты на Северном кабельном заводе²⁴, «Красном треугольнике»²⁵, Адмиралтйском, Балтийском, Обуховском²⁶, Невском машиностроительном, оптико-механическом заводах и в других промышленных предприятиях города²⁷. Отмечалось, что клубы, созданные при крупных предприятиях, проводили преимущественно кружковую работу, не отличавшуюся массовостью²⁸, но так было не везде. На фабрике им. Урицкого клубом организовывались концерты для рабочих, часть из которых создавалась при помощи Петроградского театрального общества и профсоюзов, но некоторые – силами самих рабочих²⁹.

Содержались клубы как при поддержке местных профсоюзных комитетов, так и за счет собственных средств, но, как правило, любые проверки неизбежно обнаруживали прорехи в их материальном обеспечении. Согласно декрету Совнаркома РСФСР от 15 сентября 1921 г. «О мерах к улучшению культурно-просветительных учреждений», клубы «прикреплялись» для финансирования к промышленным предприятиям, но предписанное властями отчисление

на нужды клубов 10 % фонда зарплаты стало осуществляться не сразу³⁰. Во всяком случае, влияние НЭПа на фабрично-заводские клубы было двойственным. Поиск средств способствовал более тесной их спайке с предприятиями и тем расширил каналы влияния на его работу со стороны фабрично-заводских политических структур³¹. Выявились и новые возможности при вербовке рабочих в клуб.

Помимо фабрично-заводских клубов, в ряде районов действовали дома просвещения и дома коммунистического воспитания молодежи (ДКВМ). Они появились в 1918–1922 гг.³² и, хотя подчинялись различным ведомствам (дома просвещения – Наркомпросу, ДКВМ – комсомолу), имели во многом единые цели, общую структуру и содержание работы. В мае 1922 г. I Петроградская клубная конференция узаконила деление клуба на местные и районные³³. В ряде случаев небольшие предприятия прикреплялись к районным домам просвещения – это было, в частности, характерно для печатников³⁴, и обычными являлись здесь лекции для рабочих наравне с занятиями их в кружках³⁵. Первый устав комсомольских клубов был одобрен осенью 1919 г., и им еще не предусматривался какой-либо существенный политический уклон в клубной работе. Наравне с политическими кружками, в них предполагалось открыть экономические, художественные и музыкальные кружки³⁶. IV съезд РКСМ в сентябре 1921 г. счел «в настоящее время невозможным полную реорганизацию клубов РКСМ в массовые клубы молодежи»³⁷, и не случайно. Комсомольских клубов даже в Петрограде было мало (около 17 в 1919 г.)³⁸, но и их численность сократилась (до 5–6) в начале 1920-х гг.³⁹

С самого начала комсомольские клубы являлись, как правило, общерайонными, и это в какой-то мере упрочило тенденцию превращения их в центры молодежной клубной работы. На первых порах многие из них назывались домами молодежи, и они, как и дома просвещения, финансировались Губполитпросветом и Губернским отделом народного образования. В середине 1920-х гг. началась реорганизация и частичная ликвидация домов молодежи. Это мотивировалось параллелизмом в работе комсомольских и рабочих клубов (как добавляли в то время, «ненужным»), но главной причиной была нищета молодежных клубов. Закрытые после про-

верки Политпросвета дом «Юный коммунист» и Дом просвещения Петроградского района не имели даже помещений для «массовой работы»⁴⁰. В итоге прочные позиции сохранили только два молодежных клуба – Дом им. М. Глерона и Дом старой и молодой гвардии. Оба этих дома коммунистического воспитания молодежи считались лабораториями выработки новых методов работы с молодежными массами. О них писали чаще всего⁴¹, но даже в «Смене» подчеркивалось, что существовавшие в 1924 г. шесть ДКВМ могли обслужить не более 1500–2000 человек, а после некоторых подсчетов можно даже было увидеть, «насколько малое количество комсомольцев обслуживается в этих домах»⁴².

Считать ДКВМ «рассадниками просвещения», о чем прямо говорили и писали в начале 1920-х гг., было нельзя. Они являлись скорее не проводниками нового и передового, передававшими их менее крупным клубам, но центрами, где постепенно аккумулировались, куда привлекались лучшие кадры культработников, лучшее оборудование, лучшие библиотеки. Опыт, который являлся наиболее ценным приобретением глероновцев и старо-молодогвардейцев, передавать зачастую было некому: чем чаще его пропагандировали, тем ярче их достижения подчеркивали развал и убогость прочих клубов.

Организация мини-клубов была, пожалуй, косвенным признаком провала попыток подтягивания худших клубов к лучшим. Всех втянуть в работу крупных клубов было нельзя, но и оставить их досуг без присмотра тоже не решались. Создание уголков Ленина (или ленинизма), красных уголков являлось компромиссом, при котором, конечно, учитывался опыт примитивных агитационных действий – читок вслух, докладов о «текущем моменте» и т. п. Трудно сказать, была ли элементарная агитка менее ценной. Районные клубы, вызывавшие порой робость и скованность посетителей, с их громоздкими сценами, оглушающим оркестром, непривычным артистизмом инсценировок, сложным языком лекций (даже о страданиях народа в дореволюционную эпоху), читаемых теми, кто кончал тогда университеты и унаследовал их язык, – были далеко, красный уголок с его почти домашним уютом был близко, здесь же рядом, на предприятии. Туда можно было и просто зайти, отдохнуть, здесь устраивались собрания и встречи, иногда с чаем, тут

можно было за столом поговорить «за жизнь» – под непременно находящимся в центре портретом Ленина и в окружении библиотечки из политических книг. Нередко читать их было трудно, но с этим как-то мирились, этого не пугались, и «Смена» прямо рекомендовала для тех, кто остерегается брать в руки эти книги, проводить коллективную читку⁴³.

В 1922 г. было 98 красных уголков, через год – 178⁴⁴, еще спустя год городская комсомольская газета отмечала большой интерес к ним⁴⁵. Многие свидетельства о работе красных уголков представляют собой сухие, полустатистические фрагментарные газетные отчеты. За ними трудно увидеть побудительные мотивы тех, кто принимал участие в ней: одни лишь цифры, факты и чаще всего – заявления о намерениях. Но примечательна газетная заметка об открытии красного уголка в одном из домов на Красной улице: начали с того, что завезли сюда мебель, провели воду (видимо, считая это необходимым условием для усиления агитработы) и предприняли издание стенгазеты⁴⁶. Кажется, что обустроивался не красный уголок, а какое-то кафе, конечно, для людей, пытающихся вырваться из рутины обыденного существования, тянувшихся к чему-то более «высокому», но предпочитающих делать это в условиях уюта.

Красным уголкам пытались придать функции неких «первичных ячеек клубов»⁴⁷, но связь между ними просматривалась крайне редко. Уголки Ленина (или ленинизма)⁴⁸ с портретом вождя и библиотекой ленинских сочинений⁴⁹ вообще возникли на волне ленинского призыва и своеобразно закрепили его примитивными институциональными формами – осуществив то, что М. Вебер как-то назвал «консервацией экстатического духа». Более важным представляется то, что, возникнув по вполне определенному политическому поводу, эти уголки, точно так же, как и красные уголки, обрастали бытом, мебелью, стенгазетами, где освещалось не одно только наследие Ленина, но и содержались беллетризированные зарисовки. Здесь не цель зачастую диктовала топографию уголка, но само место, где они находились, – оно своеобразно подчиняло политический замысел традициям производственного общения.

Малочисленнее всех были партийные клубы, которые обычно назывались дискуссионными⁵⁰. Сами дискуссии требовали определенного уровня эрудиции, культуры, логики и риторики, и не случай-

но в то время отмечалось, что в ряде партклубов «дискуссионная деятельность... приняла характер простых прений по докладу»⁵¹. В резолюции XV губернской партконференции «Об очередных задачах петроградской организации» центральный партклуб при ПК РКП(б), а также районные партклубы предлагалось организовать «для более систематического свободного товарищеского обмена мнений по актуальным вопросам внутри организации», причем выражалась надежда, что они станут «местом сближения руководящих членов партии с рядовыми и одним из путей коммунистического воспитания»⁵². Скупые и фрагментарные свидетельства об их работе показывают, что такие надежды не всегда оправдывались. Дискуссионный партклуб Московско-Нарвского района начал работу в конце декабря 1922 г., и к 15 февраля 1923 г. здесь прошло шесть дискуссий, но участниками их являлись в основном организаторы партячеек и активные работники⁵³. Вряд ли можно было найти в партклубах нечто такое, что заставляло ими особенно дорожить или признавать их уникальность. Трудно было обнаружить в то время какие-либо формы партработы, от которых точно так же не ждали бы спайки и коммунистического воспитания посредством обмена мнений. Подробные сведения о работе партклубов встречаются крайне редко, но ироничный подтекст, который приобрело понятие «дискуссионный клуб» по отношению именно к партии, стал заметен как раз в начале 1920-х гг. Внутрипартийная борьба становится в то время более жесткой, отношение к оппозиции – придирчивым и менее терпимым, а критика ее в печати – лучше дирижированной и более грубой. «Сплочения» партии начиная с 1921 г. стремились достичь не столько призывами, сколько наказаниями – не случайно на X съезде РКП(б) приняли знаменитую резолюцию «О единстве партии». Борьбу с рабочей оппозицией образца 1922 г. с полным основанием можно счесть ранним вариантом сталинской техники политических переворотов – с тем же передергиванием речей и статей оппонентов, с тем же подспорьем в виде репрессивных «перебросок», келейно оформленных перемещений на менее значимые посты, с той же групповой дисциплиной, которая требовалась для шельмования противника от каждого, независимо от того, желал он этого или нет. Будучи невостребованными, вызывая опасение если и не в качестве центров оппозиции, то воз-

можных каналов передачи ее идей⁵⁴, партклубы скоро оказались на периферии политпросветработы. В этих условиях особой чистки партклубов и не требовалось – они, и так немногочисленные, стали быстро исчезать, либо сливаясь с другими клубами, либо меняя свою окраску.

В целом количество клубов и численность их участников начиная с 1920 г. неуклонно увеличивались. Исключением явился только 1923 г., когда вследствие перехода на индивидуальное членство и самообеспечение сократились и общее число клубов по сравнению с предшествующим годом (с 166 до 137), и еще ощутимее ряды тех, кто их посещал (с 88 644 до 50 416 человек). В 1924 г. число клубов и их членов вновь возросло – в 185 клубах занимались 76 960 человек⁵⁵.

Средние цифры, однако, не дают четкого представления о всех оттенках этой, казалось бы, радужной для политпросветработников картины. Посещала клуб в основном молодежь⁵⁶, и один из выступавших на XIX губпартконференции (декабрь 1923 г.), говоря об этом как о хорошо известном факте («это отмечается по всем фабрично-заводским коллективам»), требовал от культотделов профсоюзов именно РКСМ «наибольшее количество денежных сумм из культурфондов»⁵⁷. Комсомольские газеты писали об этом с гордостью, не замечая другое, беспокоившее в немалой степени партийные и идеологические структуры, – инертность и апатию взрослых рабочих. В отчете одного из отделов Ленинградского губкома РКП(б) за апрель – декабрь 1924 г. прямо говорилось о том, что «сравнительно невелик процент обслуживания клубами рабочих масс»⁵⁸, и отчеты низовых профсоюзных структур первой половины 1920-х гг. уточняют этот вывод: «Все-таки рабочие мало интересовались клубом и их приходилось с трудом приглашать»⁵⁹, «посетителями всех действующих кружков (музыкально-великорусского и драматического) являются подростки завода, взрослые рабочие совершенно не интересовались работами клуба, а с июля месяца стали только посетителями открытого в то время кинотеатра»⁶⁰, «клубная работа поставлена удовлетворительно... но посещаемость работающих слабовата»⁶¹, «культурно-просветительная работа, что называется, хромает, но этому виною отчасти пассивное отношение самих товарищей, так как о работе клуба все широ-

ко оповещены благодаря связи с клубом»⁶². На хлебозаводе № 2 сего заведующий, отвечая, видимо, на просьбу о помощи клубу, сказал, что «если бы там посещали бы 150 чел[овек] рабочих, то рабочие могли бы содержать клуб, а то посещаемость клуба равняется 20 чел[овек]»⁶³. В целом число вовлеченных в деятельность клубов рабочих и служащих предприятий и учреждений в конце 1923 г. составило всего 15 %, а к апрелю 1924 г. – 22,25 %⁶⁴.

Причины столь малой посещаемости назывались разные, от прозаичных – «кружковая работа была незначительной, так как ребятам больше приходилось помышлять насчет желудка»⁶⁵, «ввиду удаленности места клуба от завода и разбросанности местожительства рабочих по всему Петрограду посещаемость малочисленная»⁶⁶ и «слабой посещаемости клубов по случаю летнего времени»⁶⁷ – до тех, о которых с претензией на более глубокие обобщения и с учетом распространенных в начале НЭПа фобий говорилось в отчете о работе клуба печатников (1922 г.)⁶⁸. В сообщении о том, что «лекции, устраиваемые клубом... мало посещались т.т. печатниками», этому давалась следующая мотивировка: «...Явление это при НЭПе является, я бы сказал, нормальным – много крикливых... развлечений, разные там кафе, кабаре и т. п. – заманчивая штука, увлекает печатников от своего рабочего клуба, где они должны были бы учиться»⁶⁹. В рассказе о «заманчивой штуке» проскальзывает, кажется, даже тайное восхищение ею, на фоне чего казенным выглядит сожаление об отсутствии интереса к учебе. Он, однако, традиционен в рамках «крикливых» (если воспользоваться терминологией его автора) объяснений опасностей НЭПа, хотя в нем и незаметно упорного стремления рассмотреть здесь классовый базис и классовую борьбу. Значение этих филиппик состояло, пожалуй, в том, что они побуждали отчетливее противопоставлять старые и новые формы досуга, что неизбежно вело к политизации последних. Никто серьезно причинами малой посещаемости и не интересовался. Отговорки потенциальных посетителей клуба обычно принимались за чистую монету, хотя те, кто действительно хотел заниматься в нем, не соблазнялись пивными и пренебрегали дальностью расстояний. В клуб шли, как правило, те, кому это было интересно и кто мог себе это позволить. Во многих случаях необходимо говорить о клубе не как о месте, куда вовлекались для про-

свещения ранее лишенные плодов образования, а как о центре, где упрочивались коды поведения ангажированных, активных, не чуждых театральности, со скепсисом отвергавших привычные бытовые устои «новых людей» из низов.

Структура клубов постоянно менялась, что определялось, помимо прочего, и попытками усилить их политизацию. Позиция V Всероссийского съезда профсоюзов (сентябрь 1922 г.), предложившего программу деятельности рабочих клубов в новых условиях, была двойственной. В его постановлении «О культработе Союзов» вместе с обязательной оговоркой о том, что заводской клуб должен быть «очагом пролетарского просвещения и пропаганды классовой борьбы», предполагалось и сделать его «местом отдыха рабочего после трудового дня»: «...Вокруг клуба следует группировать культучреждения, обслуживающие бытовые общекультурные потребности рабочего (библиотеки, художественные и театральные студии, музыкальные, экскурсионные и спортивные кружки, хоры и т. п.)»⁷⁰. В «нормальном уставе рабочего клуба при предприятии и учреждении» (1923 г.) эти пожелания были учтены. Он предусматривал открытие в клубах кружков: «по профдвижению, по изучению рабочего движения, политграмоты, марксистского, литературного, научно-технического, естественно-научного, драматического, музыкального, хорового, спортивного»⁷¹. Создавался, как видим, своеобразный клубный аналог университета. Вне зависимости от того, интересовались ли посетители каким-либо из кружков, озабочены были прежде всего равновесием различных форм просвещения – научного, технического, спортивного, музыкального – и отражением этого в нормативной структуре клуба⁷². Такой почин, в общем-то, не был новым – точно так же составлялись многочисленные программы различных ступеней партийного образования, где тоже находилось место экономическим, естественно-научным и техническим вопросам. Присутствовал здесь и политический расчет: обязательно закреплялись в структуре клубов различные «марксистские» и тому подобные кружки. Это не считалось лишним, поскольку, как подчеркивалось в отчете Ленинградского комитета РКП(б) за март 1923 – апрель 1924 г., «отмечались отрицательные стороны работы кружков, когда, например, художественные кружки развивались за счет политических»⁷³.

На 1 января 1922 г. из 167 кружков в рабочих клубах только 13 являлись политическими, 101 – художественными, 15 – научными, 9 – прикладных знаний, 7 – спортивными⁷⁴. Характерной приметой последующих лет стало, однако, то, что число политических кружков увеличивалось более быстрыми темпами, чем число других кружков. Так, к 1 января 1923 г. из 371 кружка в клубах 57 являлись политическими⁷⁵. С ноября 1923 г. по апрель 1924 г. число кружков увеличилось с 469 до 953, в том числе политических – с 69 до 289⁷⁶. Кое-где доля политических кружков была еще выше – в клубе «Старой молодой гвардии» Центрального городского района из 16 кружков 7 были политическими⁷⁷, в клубе табачной фабрики им. Усачева число занимавшихся в кружках политическом и профдвижения в 1922–1923 гг. было больше, чем в столь популярных здесь кружках шитья и в великорусском оркестре⁷⁸.

Причины столь значительных изменений не очень ясны. Прямых свидетельств о принудительном насаждении политкружков в клубах не очень много. Встречаются, однако, весьма часто жалобы в прессе и на собрания руководящих клубных работников, однозначно воспринимавших отсутствие политкружков как недостаток, и поощрительные отклики на работу тех клубов, политизация которых являлась весьма ощутимой. Последнее зачастую оценивалось и как достижение самими организаторами клубов и могло быть специфическим ориентиром в негласном их соперничестве из-за помещений, оборудования, пайков, жалованья. Нельзя не признать, что и жалобы, и поощрения могли быть одними из инструментов укрепления позиций политкружков в клубах – но не единственным. Так, посещение политкружков нередко было следствием имеющих обязательный характер рекомендаций комиссий по чисткам партии и комсомола, часто отмечавших политбезграмотность проверявшихся. Увеличение числа политкружков было связано и с обработкой коммунистов ленинского призыва, поскольку не ожидали вступления в ряды партии такой массы людей и опасались за белизну идеологических риз РКП(б). Тогда-то и понадобилось большее, чем обычно, количество кружков – «чистилищ». В какой-то мере повлияла на это и борьба с развлечениями в клубах, параллелью которой могла служить критика академического уклона в работе учебных заведений.

О политизации клубов говорили в то время часто, но общего мнения о том, как наполнить политическим содержанием их работу, не было даже в высших партийных, комсомольских и профсоюзных структурах, чьим решениям обычно были присущи четкость и системность. Оценить то, чего они ждали от клуба, можно по той критике, которой он подвергался. «Обыкновенно в дни торжеств годовщины Октябрьской революции, 1 Мая и других празднеств наши клубы пустуют или устраивают концерт-спектакль, а то и обыкновенную танцульку», – сетовал в 1921 г. известный клубный работник В. Сорокин⁷⁹. Позитивная программа здесь, очевидно, подразумевала отсутствие «танцулек», концертов и «пустоты», т. е. безразличия к революционным праздникам. О том, сколь нужно политическое в клубе, тут еще ничего не сказано, но нормы, предлагаемые В. Сорокиным, собственно, и создают предпосылки для его политизации. Не всегда внятно пропагандисты могли сказать другим (а может быть, и себе), чего они хотят от клуба, но и в используемых ими косноязычных канцеляризмах постоянно видишь попытку пропитать работу клубов чем-то общественным, отодвинуть развлечения на второй или на третий план, сказать об этих развлечениях мимоходом и с оговоркой и стыдливо прикрыть их, как ширмой, политическим фасадом. «В лучшем случае клуб обслуживает рабочих не всегда удачными концертами, спектаклями и даже “танцулками”, но не является продуктом их массового стремления к знанию и коллективному разрешению многообразных в современных условиях вопросов профессиональной, политической и общественной жизни» – подчеркивалось в циркулярном письме ЦК ВСРМ всем райкомам ВСРМ (июль 1922 г.)⁸⁰. Не ясно, что понималось авторами постановления под «коллективным разрешением вопросов», но эти умолчания не являлись исключением: в выступлении одного из ораторов на одиннадцатой губернской конференции РЛКСМ, отметившего «отрыв клубной работы от политического образования», содержится призыв «клубную работу строить под углом ленинского воспитания»⁸¹. Эти общие фразы⁸² интересны тем, что показывают, сколь безапелляционными и, что очень важно, утилитарными были в это время представления о характере общественного досуга – при том, что сами они не являлись отчетливыми. Этот утилитаризм особенно нагляден, когда встречаем

более конкретные предложения о том, с кем бороться и что поддерживать (или создавать) в клубе. Говоря в июне 1923 г. о проведенном в городе конкурсе на «лучший клубный вечер», руководитель Петроградской организации РКСМ Александров так сказал о его результатах: «Мы убедились, что все кружки в клубе мы сумели подчинить одной основной цели, т. е. сумели устроить проведение этих вечеров так, что в их работу было вложено политическое содержание и каждый кружок, даже спортивный, нашел место в этой работе»⁸³. Он, впрочем, пошел еще дальше и намекнул на политизацию не только спортивных, но и музыкальных кружков: «Что мы делаем в музыкальных кружках? Мы парня принимаем в музыкальный кружок, но музыкальный кружок находится под влиянием той политической программы, которая существует в клубе»⁸⁴. Спустя несколько месяцев один из «вождей» города, П. А. Залуцкий, обмолвился о том, что посещение драмкружка в клубе является «хорошей вещью» лишь в том случае, если «будет поставлено первоочередной задачей прочитать газеты, страниц 30 хорошей книги» – и вот «потом пойти в драматический кружок – это другое дело»⁸⁵.

В этих эпизодах политпросветовский прагматизм проявился, пожалуй, наиболее обнаженно и не без утрировки, но они в целом точно отразили взгляд на клуб как на подспорье агитки. Недостаточно теперь только робких потуг для того, чтобы казаться большевиком, не нужно драпировать политическое рассказами о культуре вообще, культуре вне классов. Нужна политика, прежде всего политика, а потом можно и пойти еще куда-нибудь – «это другое дело». «Как мы будем поступать с комсомольцами... которые не посещают клубы?» – задали вопрос одному из руководителей РКСМ Далину на III Всероссийской конференции комсомола и получили такой ответ: «...Мы стимулируем посещение ими клуба. Если мы добились того, что сделали их активными посетителями клуба, то сделайте их и активными его участниками, а затем втяните их в политработу»⁸⁶. Так открыто комсомольские вожди формулировали, никого не стесняясь, еще в начале 1920-х гг. цели культработы – кратко и ясно, без трафаретных ссылок на задачи образования, необходимого тем, кто был его лишен в годы царизма. Другие выражали это более тонко и осторожно, но с той же неприязнью к развлечением, в которых в лучшем случае видели только средство

облегчить усвоение политики. Рассматривая нескончаемую дискуссию о том, что нужнее при организации досуга – развлечения или политическое воспитание, замечаешь, что и противники «засушивания» клуба отводили политике в нем все же достойное место. В резолюции X губсъезда комсомола подчеркивалось, что «клуб не должен расцениваться как первоначальная ступень политпросвещения», но тут же делалась оговорка о том, что «содержание работы клуба определяется переживаемыми политическими событиями, текущими кампаниями и революционным календарем»⁸⁷. Похожий сценарий обличения «сухой политучебы» мы встречаем в речи А. Мильчакова на IV Всероссийской конференции РКСМ (июнь 1925 г.). Выступая против продолжения в клубах учебы, начатой в комсомольских ячейках, и осудив «продолжающееся совершенно нецелесообразное “засушивание” молодежи и комсомольцев», Мильчаков предложил вместо этого «заняться организацией развлечений, отдыха и досуга молодежи» – но с одной примечательной оговоркой: «с чем моменты политпропаганды необходимо уравновесить»⁸⁸. Равновесие – самое большое, на что были согласны и Мильчаков, и прочие, говорившие и писавшие об оживлении клубов в 1925 г. – модном в то время увлечении, санкционированном Н. И. Бухариным. Все другое представлялось «уклоном» – а редко что-то иное вызывало тогда столь жесткую и непримиримую реакцию, как «уклон».

Развернувшаяся борьба с танцами в клубах, с ее анекдотическим задором и криками, вызывавшими усмешки даже у тех, кто открыто поощрял ее, представляется своеобразной лабораторией, где уточнялись дозы развлечений и вырабатывались приемлемые нормы поведения в клубах с обязательными, в соответствии с тогдашними нравами, элементами аскезы. «Что может дать петроградская танцулька? Сперва танцульки, а потом темные уголки, где постепенно прижимаются друг к другу», – вскрикнула одна из выступавших на девятнадцатой петроградской губконференции⁸⁹, и с ней можно согласиться. Танцы являлись тем, что политизировать было нельзя, и не случайно, как писал тогда Л. Шацкий, «дискуссия о танцах фактически не прекращалась у нас в Союзе никогда»⁹⁰. Попытки политизации танцев, конечно, предпринимались. В ДКВМ им. М. Глерона «громадным успехом» среди комсомольцев пользовался танец

«За власть Советов» под музыку песни «Смело, товарищи, в ногу», который «изображал собой все периоды борьбы рабочего класса»⁹¹. На этом не остановились и стали разрабатывать танец «Мы – кузнецы» и иные комсомольские танцы. Сообщивший об этом корреспондент выражал надежду, что последние «могучим натиском вытеснят все старое»⁹². Возможно, именно такие танцы имела в виду редакция журнала «Красный студент», предупредив, что она «не против танцев и кино, но против “танцулек” и “кинушек”»⁹³. Едва ли, однако, они могли хоть сколько-нибудь заметно потеснить «танцульку»⁹⁴. «Правильные танцы» – это скорее элемент политизированной музыкальной инсценировки. Нет никаких свидетельств о том, что на обычных «танцульках» молодежь маршировала в ногу. Типы таких инсценировок вообще были крайне причудливы. Они изменялись в зависимости от возможностей клуба, условий его существования, фантазий его посетителей и самоцензуры его руководителей. Значение дискуссии о танцах, однако, не столь мизерно, как это может показаться на первый взгляд. Танцы не смогли изжить или загнать в подполье, но обозначили некую планку, ориентир, на которые должны были оглядываться те, кто до этого пренебрегал дозировкой развлечений. Танцы устраивали стыдливо, извиняясь, с оглядкой и с опаской, поминутно ожидая окрика и понимая, что перегнуть здесь палку нельзя, что, может быть, и нужно здесь некое противоядие в виде комсомольских танцев и еще что-то политическое – может быть, в действительности и фиктивное, но устанавливающее столь желанное для пропагандистов равновесие.

Политизация танцев была лишь одной из попыток, хотя, наверное, и самой экзотичной, пропитать политикой то, что прежде однозначно относили только к развлечениям. Этим дело не закончилось. Из письма месткома 4-й государственной электростанции Василеостровский райком ВСРМ, например, узнал о том, что хоровой кружок нуждается в нотах для разучивания «революционных песен»⁹⁵. В ряде случаев грань между «политическим» и «развлекательным» провести было трудно – на открытии клуба спайки в Василеостровском районе, как сообщала «Петроградская правда», «после заслушивания номера живой газеты было организовано хоровое пение, затем как-то незаметно перешли к рассказыванию воспоминаний и далее к шуткам»⁹⁶. Празднование 50-летия Парижской

коммуны было отмечено партийными собраниями в районных клубах, и как добавляла та же газета, «иногда после собрания – концерт»⁹⁷.

Одним из необычных вариантов политизации досуга стало использование в целях агитации игр и лотерей. Методика политигр разрабатывалась работниками еще в начале 1920-х гг. Одной из первых предложили игру в лекции, которая со временем получила более устойчивое название «политфанты». В статье «Что значит игра в лекции и как ее проводить»⁹⁸ ее автор П. Каштанов предлагал, пожалуй, самый простой вариант этой игры: написать вопросы на листках, смешать их в фуражке, дать возможность вынуть одному из участников игры и заслушать его доклад по вопросу – обозначая тему в обнаруженной записке. Речь, как видим, шла о своеобразном типе экзамена, во время которого слушатели были не столько увлечены тем, чтобы узнать что-то новое, сколько тем, чтобы поймать самого нерадивого из них. Прimitивное содержание игры давало возможность перестроить ее структуры – особенно если она проводилась в рамках хотя бы эфемерных «институций». Попытки организационной регламентации игры, предпринятые профессиональными агитработниками, позволяли усложнить ее сценарий, который включал не одно, но сразу несколько действий. Клубный политработник В. Сорокин предлагал дело обставить солиднее, чем это представлялось П. Каштанову: сначала назначить председателя, затем предложить присутствующим написать на листках вопросы не по своему желанию, а по определенной канве (например, что такое советская власть, коммунистическое общество)⁹⁹. С чрезмерной, почти бюрократической дотошностью описывается дальнейшее развитие игры: «...председатель собирает записки, раскладывает их на столе и вызывает одного из присутствующих, тот берет наугад одну из записок, смотрит тему и начинает “читать” лекцию. После лекции прения. Потом выступает другой товарищ и т. д.»¹⁰⁰.

«Это очень живая игра», – уверял В. Сорокин, не уточняя, правда, мог ли каждый прочесть доклад по наугад выбранной им теме не запинаясь и со знанием дела. Еще раз повторим, что значение такой игры было более существенным для докладчика. Слушателей скорее, чем содержание импровизированной лекции, могло интересовать то, как быстро запутается докладчик, сколь комично

он будет изворачиваться, изображая из себя эрудита, – «очень живая игра». Понятно, что сакральность столь важной для идеологической догматики темы, как «коммунистическое общество», здесь могла и выветриться ввиду неизбежного веселья, но все это имело и другую сторону. Во-первых, не каждый хотел потешить публику, и это предопределяло особенное внимание к тому, что изучалось в политкружках: трудно было внятно рассказать слушателям о том, что являлось неясным для самого себя. Во-вторых, происходило специфическое «опрошение» агитационного материала – как в устах докладчика, лишенного возможности заглянуть в книгу и потому импровизировавшего на ходу, так и в устах слушателей, задававших позднее вопросы. Агитка становилась доступнее – ее упрощал не публицист, плохо умевший подлаживаться под народный язык, а тот, для кого примитивность изложения являлась естественной.

Политбой, политштурмы и иные «динамичные и эмоциональные формы активизации политической учебы»¹⁰¹ в первую очередь являлись подспорьем в системе партийного и комсомольского образования, для которой клуб во многом были основой. Считать их просто формой досуга, пусть и политизированного, трудно. Так, «суд над Александром I» и «суд над рабочими, разрушающими машину» были организованы курсантами областной совпартшколы им. К. Цеткин¹⁰², в клубе им. Молотова секция политсудов была создана при кружке текущей политики¹⁰³. Скрупулезно проследить «филиацию» идей и узнать, прямо ли заимствовали выработанные в клубах формы политизации развлечений партийные и комсомольские кружки или имело место иное, очень сложно. Знакомая со свидетельствами о проведении политбоя в педагогическом институте им. А. И. Герцена¹⁰⁴, мы, однако, находим здесь очень много общего с предлагавшимися клубными работниками политфантами. Модификации сценария политфантов тут очень значимы – нет лотереи («один из каждой группы задает по его усмотрению участнику противной стороны вопрос из намеченной программы, т. е. из пройденного на занятиях школы»)¹⁰⁵ и есть характерное усложнение инструментов принуждения к учебе: «Каждый задающий должен знать свой вопрос, и если тот, кому задали его, не ответит, он должен ответить и разъяснить сам»¹⁰⁶. Таким образом усиливается обучающая направленность политбоя. Человек теперь не просто

слушал ответ, который он и сам не всегда мог дать и потому вынужден был доверять выступавшему. Он, обязанный быть сведущим в вопросе (иначе мог оказаться проигравшим), должен был проверить ответ более глубоко, тем самым еще раз заучивая то, что он почерпнул в политшколе. Возможно, это не было скучной игрой. Еще при описании подготовки к бою чувствуется какой-то азарт ее участников: «Рассевшись на стульях, столах и окнах, ребята оживленно беседуют, сравнивая силы двух групп союзной школы»¹⁰⁷. Оптимистическая концовка сообщения: «Политбой принес громадную пользу для союзных школ, заставив ребят основательно подготовиться, проработав тщательно пройденную программу, и для присутствующих, главным образом для беспартийных, которые в живой форме познакомились с вопросами политической грамоты»¹⁰⁸ — в целом типична для такого рода публикаций, призванных не только осведомлять, но и пропагандировать «передовой опыт». Возможно, здесь отчасти то, что могло случиться, выдавалось за то, что произошло в действительности. Вместе с тем «азарт, дух соревнования», независимо от того, в чем состязались, всегда можно уловить там, где говорили о разных формах игры. Что при этом захватывало более — сама игра как таковая или содержание поединка — сказать определенно нельзя, да это, пожалуй, и не важно. Важно другое. Политическое становилось понятнее и ближе посредством понятных и доступных всем правил игры, обретало свое место даже и в досуге.

Рассматривая политизацию клубов, мы видим, что она не была последовательной, что редко политические кружки в клубе имели то значение, которое им стремились придать. Клубы пытались заставить играть не очень свойственную им роль. Издержки совмещения пропаганды с развлечениями как раз и показали, что специфическая структура клубов, которую трудно было кардинально изменить, не разрушив их самих, и которые предназначались в первую очередь для организации отдыха и повышения культуры, на первых порах неизбежно отторгали политику в тех масштабах и в тех формах, которые соответствовали планам политпросветработников. То, что казалось им неудачами и недостатками, можно, однако, оценить и иначе. Главным было то, что возник прецедент политизации. Никто не смел теперь оспаривать необходимость про-

ведения политического просвещения в структурах досуга. Спор шел только о его пределах, о соотношении учебы и развлечений, спор с десятком оговорок, в которых еще и еще раз, нередко на новые лады, повторялся и утверждался тезис о клубе как необходимом элементе политического воспитания. Последствия не замедлили сказаться. Развлечения все чаще стали мерить по политической шкале, замеченные в «академических» и «культурнических» уклонах все чаще оправдывались, одна завоеванная в клубе позиция пропагандистами рассматривалась как ступенька к завоеванию новых позиций и, наконец, политическое стало обязательной принадлежностью клубной работы: ее отсутствие воспринималось как ущербность. Попутно отшлифовывались методики политизации досуга – некоторые из них отбрасывались, другие усложнялись, подправлялись низами, зачастую явочным порядком, совокупностью усилий разных инстанций и разных людей, видоизменялись постоянной практикой организации досуга – и совокупностью усилий различных инстанций и разных лиц получили мощный импульс развития.

Став элементом развлечений, частью инсценировок и игр, политическое усваивалось, может быть, и не столь глубоко, но более ярко, переживалось намного эмоциональнее. Игра, не будучи заключенной в тесные оковы учебных регламентов, быстрее инициировала импровизации, вызывала определенный творческий порыв, желание по-своему распорядиться политическими текстами – в песне, в танце, в спектакле. Политическому материалу иногда находилось и неожиданное применение, но чтобы его использовать, нужно было хоть как-то его знать. Так в игровых и досуговых формах происходило постепенное, порой незаметное пропитывание человека политикой. Что двигало теми, кто хотел лучше осознать политические догмы, – желание посрамить другого участника политбоя, показать себя эрудитом и этим поднять свой личный престиж, выявить свою политическую грамотность и тем способствовать карьере – не столь и существенно. Значение имело то, что политическое со временем оказывалось именно востребованным, а не только навязанным. Давление сверху в деле политизации отдыха отрицать нельзя, но и в самих клубах то, что сначала неуклюже и в значительной мере принуждением включалось в них, в дальнейшем инерционно развивалось и низами – спонтанным порядком, без направ-

ляющих инструкций. Политизация клубов была predetermined эпохой, в которой не была четко отделена партия от государства, естественным продолжением привычных для клубов просветительских тенденций считалось превращение их в центры коммунистического просвещения, а чистое «культурничество» оценивалось как грех. Ее в известной степени можно считать и итогом развития тех приемов, которые практиковались в клубах еще в дореволюционное время. Не раз их использовали тогда для тайной пропаганды левых партий, обличения пороков «ancien régime», борьбы за абстрактные, но всегда демократические идеалы – почему бы не продолжать это, на сей раз открыто, если одна из таких партий пришла к власти.

---

¹ В 1921–1922 гг. это стало восприниматься как аксиома (см.: Ком. просвещение. 1922. № 1. С. 52; № 4–5. С. 131; Резолюции и постановления 6-го губсъезда Петроградской организации РКСМ. Пб., 1921. С. 9).

² Бюл. Третьего Всероссийского съезда политпросветов РСФСР. 1922. № 1. С. 16.

³ *Сорокин В.* Как организовать клуб // Смена. 1921. 1 янв. Хорошей иллюстрацией его тезиса можно считать ряд статей, опубликованных в двух основных агитпропжурналах того времени: «Вестнике агитации и пропаганды» и «Коммунистическом просвещении». Если автор статьи «Формы и методы производственной пропаганды» Ф. Сенюшкин считал, что «организация клубов преследует объединение рабочих предприятия в обстановке отдыха» и в «клубах должны решаться вопросы данного предприятия» (Вестн. агитации и пропаганды. 1922. № 7. С. 36), то один из ведущих агитпропработников начала 1920-х гг. Р. Пельше утверждал, что «клуб органически объединяет все виды и формы политпросветработы» (*Пельше Р.* Значение и характер клубов в настоящий момент // Ком. просвещение. 1922. № 1. С. 52). Чуть позднее он пошел еще дальше, заявив, что «клуб – единственная самостоятельная первичная общественно-культурная ячейка, работа которой протекает в гуще самих масс рабочих и всех трудящихся» (*Он же.* Всероссийская клубная конференция // Там же. № 2. С. 68).

⁴ *Колесова А. К.* Деятельность рабочих клубов по коммунистическому воспитанию трудящихся в 1917–1923 гг.: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1969. С. 23.

⁵ ЦГА СПб. Ф. 4591, оп. 6, д. 82, л. 1.

⁶ Стенографический отчет пятого Всероссийского съезда профессиональных союзов. М., 1922. С. 533.

⁷ Ком. просвещение. 1922. № 3. С. 136.

⁸ Стенографический отчет пятого Всероссийского съезда профессиональных союзов. С. 533.

⁹ Ком. просвещение. 1922. № 4–5. С. 131.

¹⁰ Стенографический отчет пятого Всероссийского съезда профессиональных союзов. С. 533.

¹¹ См.: *Синцов И. Д.* Клубы Ленинграда в первое десятилетие Советской власти (1917–1927) // Тез. докл. VI научной конференции профессорско-преподавательского состава Ленинградского государственного библиотечного института им. Н. К. Крупской. Л., 1958. С. 63.

¹² *Колесова А. К.* Деятельность рабочих клубов по коммунистическому воспитанию... С. 22.

¹³ Октябрьская революция и фабзавкомы: Материалы по истории фабрично-заводских комитетов. Ч. 3: Октябрь. М., 1929. С. 331.

¹⁴ *Колесникова Н.* Единая сеть политико-просветительных учреждений в настоящее время // Ком. просвещение. 1922. № 2. С. 25.

¹⁵ *Плешин Ю. И.* Деятельность рабочих клубов Ленинграда в годы восстановления народного хозяйства (1921–1925 гг.) // Учен. зап. Высшей профсоюзной школы культуры. М., 1974. Вып. 5. С. 88; Статистический справочник по г. Ленинграду. Л., 1930. С. 106.

¹⁶ См.: *Соскин В. Л.* О некоторых чертах культурного строительства в период перехода к НЭПу // Новая экономическая политика: Вопросы теории и истории. М., 1974. С. 259.

¹⁷ См.: *Левина Т.* Культурно-просветительная работа среди рабочих кожевников за пять лет // Пять лет, 1917–1922: Юбилейный сб. М., 1927. С. 143. Об отчислениях кооперации на нужды культотделов профсоюзов см.: Изв. ЦК РКП(б). 1922. № 6. С. 19; см. также: Ком. просвещение. 1922. № 1. С. 10.

¹⁸ Так в тексте.

¹⁹ ЦГА СПб. Ф. 4591, оп. 6, д. 82, л. 3.

²⁰ Там же.

²¹ См. содоклад Григорьяна о работе агитотдела на 5-й партконференции Петроградского района (ноябрь 1923) (ЦГАИПД СПб. Ф. 6, оп. 1, д. 115, л. 92).

²² См.: *Плешин Ю. И.* Деятельность рабочих клубов Ленинграда... С. 88.

²³ См.: *Пельше Р.* Значение и характер клубов в настоящий момент. С. 48.

²⁴ Примечательно его название – «Красная звезда», подчеркивавшее политизированный характер заводского клуба (Бюл. пятнадцатой конференции Петроградской губернской организации РКП. 1921. № 4. С. 14–15).

²⁵ Здесь клуб располагался в двух зданиях – в Доме Тимирязева, где проходили спортивные занятия, и в Доме культуры, где находились библиотека и лекционный зал.

²⁶ В 1925 г. Союз металлистов решил переименовать клуб «Красного путиловца» в клуб «Металлистов Нарвского района» – возможно, это косвенное признание масштабов работы клуба и его возможностей (Смена. 1925. 5 авг.).

²⁷ См.: *Плешин Ю. И.* Деятельность рабочих клубов Ленинграда... С. 87.

²⁸ См.: Там же.

²⁹ См.: Отчет о культурной работе фабрики им. Урицкого за 1-е полугодие 1921 г. (ЦГА СПб. Ф. 81, оп. 1, д. 8, л. 45).

³⁰ См.: *Плешин Ю. И.* Деятельность рабочих клубов Ленинграда... С. 94.

³¹ Так, на заводе «Новый Лесснер» была установлена «идейная связь» клуба с бюро партячейки: заведующий клубом являлся членом бюро, и, как надеялись, «этим самым кол[лектив] будет в курсе всей клубной работы». – Протокол заседания бюро коллектива РКП(б) завода «Новый Лесснер» от 4 декабря 1922 г. (ЦГА СПб. Ф. 376, оп. 1, д. 3 а, л. 60).

³² См.: Синцов И. Д. Клубы Ленинграда... С. 64.

³³ См.: Ушанов А. А. Перестройка культурно-просветительных отделов и комиссий профсоюзов Ленинграда в 1921–1925 гг. // Из истории советской культуры и культурно-просветительной работы: Сб. науч. тр. Высшей профсоюзной школы культуры. Вып. 3.

³⁴ См. отчет о культурно-просветительной работе среди печатников за ноябрь 1922 г. (ЦГА СПб. Ф. 4804, оп. 6, д. 70, л. 91); пытались прикрепить к домам просвещения также рабочих крупных предприятий, и даже там, где были «свои» клубы, в частности, на Северном Кабельном заводе. – Протокол собрания коллектива РКП(б) Северного Кабельного завода от 5 марта 1922 г. (ЦГА СПб. Ф. 470, оп. 1, д. 4, л. 2).

³⁵ См.: Там же; Отчет о работе коллектива РКП(б) фабрики «Рабочий» за июль 1923 г. (Там же. Ф. 1987, оп. 1, д. 1 а, л. 48 об.).

³⁶ См.: Зубков В. А. Ленин и молодежь. Л., 1977. С. 170.

³⁷ Товарищ комсомол. С. 75. Трудно, например, представить, как можно было оценить массовый комсомольский клуб в 214-й советской трудовой школе, где «после долгих хлопот коллективу удалось отвоевать себе 3 комнаты» (Юный пролетарий. 1925. № 24).

³⁸ Удалов М. Политико-воспитательная работа за 5 лет // За пять лет, 1917–1922: К пятилетию Петроградской организации Российского Коммунистического Союза Молодежи. Пг., 1922. С. 16.

³⁹ Отметим, что в 1924 г. в городе работали 115 профсоюзных клубов (Работа и достижения ленинградских профсоюзов. Л., 1925. С. 279).

⁴⁰ Васильев П. Дома коммунистического воспитания молодежи. М.; Л., 1931. С. 5–6.

⁴¹ См.: Юный пролетарий. 1923. № 2 (46). С. 27–28; Десять лет одного района: Заметки, очерки и воспоминания. Л., 1927. С. 14; Смена. 1924. 19 апр., 17 мая.

⁴² Смена. 1924. 27 сент. Отметим, что в ДКВМ Выборгского района в начале 1925 г. число участников не достигало и этой цифры – оно составило 522 человека (Там же. 1925. 7 янв.). Достойно внимания и то, что вследствие «чистки за неактивность» в Клубе «старой и молодой гвардии» в апреле 1924 г. из 700 человек членов клуба здесь осталось только более 300 человек (Там же. 1924. 18 июня).

⁴³ Там же. 3 сент.

⁴⁴ Плешин Ю. И. Деятельность рабочих клубов Ленинграда... С. 88.

⁴⁵ Смена. 1924. 3 сент. Примечательно, что даже в студенческой среде во многих общежитиях были созданы «красные уголки», при том, что «культурная работа в стенах вуза находится в загоне и игнорируется партийным и комсомольским студенчеством» (Гаркуш И. Учащаяся молодежь. Комсомол и школа. М.; Л., 1926. С. 74).

⁴⁶ Смена. 1924. 30 авг.

⁴⁷ Плешин Ю. И. Деятельность рабочих клубов Ленинграда... С. 88.

⁴⁸ Названия их не были унифицированными, в ЛГУ был, например, создан кабинет Ильича (Смена. 1924. 17 окт.).

⁴⁹ О попытках организации уголков Ленина на Путиловском заводе, «Красном Треугольнике», в школе им. Тимирязева, на заводе «Кооператор», макаронной фабрике им. Воровского, Балтийском заводе, Северо-Западной железной дороге см.: Там же. 9, 20 февр.; 15 марта; 14 июня; 28 нояб.

⁵⁰ Они были созданы при Петроградском губкоме РКП(б) и райкомах РКП(б) (Фейдак М. М. Указ. соч. С. 38).

⁵¹ Жаков М. Партийные клубы и самообразование // Ком. просвещение. 1922. № 4/5. С. 67.

⁵² Бюл. пятнадцатой конференции Петроградской губернской организации РКП. Пг., 1921. № 4. С. 14–15.

⁵³ Сб. материалов Петроградского комитета РКП. Вып. 6: Сентябрь 1922 – февраль 1923 г. С. 162.

⁵⁴ Эти опасения укоренились давно, еще в те времена, когда партию не сотрясли столь ожесточенные внутрипартийные склоки. Стоило, например, клубу «III Интернационала» в начале 1918 г. организовать «диспут большевиков и меньшевиков», как Петроградский комитет РКП(б) на своем заседании 26 марта 1918 г. решил, что «совместные выступления с оборонцами недопустимы, тем более в клубе, находящемся всецело в большевистских руках» (Шелавин К. Из истории Петербургского комитета большевиков в 1918 г. (очерк 1-й) // Красная летопись. 1928. № 2. С. 123).

⁵⁵ Статистический справочник по г. Ленинграду. С. 106. С 1922 по 1923 г. число домов просвещения сократилось с 35 до 24 (Там же).

⁵⁶ Молодежь являлась «зачинателем» клубной работы на Северном Кабельном заводе, она занимала «центральное место» в клубе фабрики «Треугольник», активно участвовала в работе многих других городских клубов (Шитов А. Северный Кабельный: История Ленинградского производственного объединения «Севкабель». Л., 1979. С. 107; Смена. 1923. 15 сент.; 1924. 27 сент.; 1925. 5 февр.; 30 июля; 25 авг.

⁵⁷ Бюл. девятнадцатой конференции Петроградской губернской организации РКП(б). Пг., 1923. С. 80.

⁵⁸ Сб. материалов Ленинградского комитета РКП(б). Вып. 8: Апрель – декабрь 1924 г. Л., 1925. С. 87.

⁵⁹ Отчет о культурной работе фабрики им. Урицкого за 1-е полугодие 1921 г. (ЦГА СПб. Ф. 81, оп. 1, д. 8, л. 45). Здесь же отмечалось, что только «за последнее время посещение клуба рабочими стало нормальное» (Там же).

⁶⁰ Отчет культурно-просветительной комиссии завода «Электросила» 6 декабря 1922 г. (Там же. Ф. 2071, оп. 1, д. 3, л. 43).

⁶¹ Доклад фабкома на общем собрании рабочих и служащих фабрики Гознак 25 марта 1923 г. (Там же. Ф. 4804, оп. 7, д. 90, л. 93).

⁶² Отчет фабкома на общем собрании рабочих и служащих типографии ПЕПО 26 марта 1923 г. (Там же. Л. 100).

⁶³ Протокол заседания хлебозавода № 2 совместно с заводоуправлением и коллективом РКП(б) 2 декабря 1921 г. (Там же. Ф. 6261, оп. 6, д. 57, л. 14 об.). Показателен пункт 4 постановления, принятого на нем: «поставить аппарат и тем самым оправдать клуб» (Там же).

⁶⁴ Работа и достижения ленинградских профсоюзов. Л., 1925. С. 279; Сб. материалов Ленинградского комитета РКП(б). Вып. 7: Март 1923 – апрель 1924 г. Л., 1924. С. 195.

⁶⁵ *Козлов Б.* Комсомол в институте // На пути к победе: Из революционной истории Горного института. Л., 1925. С. 174.

⁶⁶ Отчет завкома хлебозавода № 6 за февраль 1921 г. (ЦГА СПб. Ф. 6261, оп. 6, д. 61, л. 30).

⁶⁷ Отчет о культпросветработе Союза рабочих полиграфического производства за август 1922 г. (Там же. Ф. 4804, оп. 6, д. 70, л. 6).

⁶⁸ Отчет о работе клуба печатников им. К. Либкнехта и Р. Люксембург (1922 г.) (Там же. Л. 10).

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Стенографический отчет пятого Всероссийского съезда профессиональных союзов. М., 1922. С. 533.

⁷¹ *Плешин Ю. И.* Деятельность рабочих клубов Ленинграда... С. 90. В клубах, впрочем, встречались и непредусмотренные уставом другие типы кружков, например, по подготовке организаторов отрядов пионеров и кружок текущей политики (в ДКВМ им. Глерона) или газетный кружок (в ДКВМ Выборгского района) (Смена. 1924. 27 февр.; 26 окт.; *Маринчик П. Ф.* Далекое – близкое // Боевые традиции комсомола. Л., 1958. С. 207).

⁷² Издержки такого подхода очень ярко выразились при организации кружков (секций) по профдвижению. Делегат V Всероссийского съезда профсоюзов (1922 г.) Любимский, представлявший петроградскую организацию, выступая на культпросветсекции съезда, в частности, сообщал: «У нас была попытка организовать секции по профдвижению при профклубах, но она потерпела полнейшее фиаско. У нас в секции профессионального движения в рабочем районе занималось всего 1 или 3 человека. Надо сказать, что если товарищи рабочие бежали из наших клубов после чтения лекций об астрономии, то я уверен, что из этих секций по профдвижению они не будут убегать потому, что они туда даже не придут» (Стенографический отчет пятого Всероссийского съезда профессиональных союзов. С. 414).

⁷³ Сб. материалов Ленинградского комитета РКП. Вып. 7. С. 195.

⁷⁴ *Плешин Ю. И.* Деятельность рабочих клубов Ленинграда... С. 89.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Сб. материалов Ленинградского комитета РКП. Вып. 7. С. 195.

⁷⁷ Смена. 1924. 20 дек.

⁷⁸ ЦГА СПб. Ф. 6261, оп. 8, д. 46, л. 114–114 об.

⁷⁹ *Сорокин В.* Клуб молодежи. Как его организовать и как вести в нем работу. Пб., 1921. С. 26.

⁸⁰ ЦГА СПб. Ф. 4591, оп. 6, д. 82, л. 1.

⁸¹ Бюл. одиннадцатой Губернской конференции Ленинградской организации РЛКСМ. 2 февраля 1925 г. С. 9.

⁸² В низовых импровизациях они звучали еще банальнее, без каких-либо уточнений, как не требующие пояснений. Такова, например, заметка одного из юнжиров, опубликованная в газете «Смена»: «Несомненно, одной из важнейших ступеней к политическому развитию является клуб» (Смена. 1924. 10 окт.).

⁸³ Третья Всероссийская конференция РКСМ. С. 247.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Бюл. девятнадцатой конференции Петроградской губернской организации РКП(б). Пг., 1923. № 3. С. 18.

⁸⁶ Третья Всероссийская конференция РКСМ. С. 223.

⁸⁷ Десятый губернский съезд Ленинградской организации РКСМ (18–21 июня 1924 г.): Стеногр. отчет, резолюции и постановления. Л., 1924. С. 153.

⁸⁸ Четвертая Всесоюзная конференция РЛКСМ (16–23 июня 1925 г.): Стеногр. отчет. М.; Л., 1925. С. 295.

⁸⁹ Бюл. девятнадцатой конференции Петроградской губернской организации РКП(б). Пг., 1923. № 6. С. 79.

⁹⁰ Шацкий Л. Основные вопросы юношеского движения. М.; Л., 1925. С. 116.

⁹¹ Смена. 1924. 12 янв.

⁹² Там же.

⁹³ Красный студент. 1923. № 5. С. 35.

⁹⁴ См. выступление руководителя петроградского комсомола Л. Цейтлина на Третьей Всероссийской конференции РКСМ: «...Я заявляю, что я не видел ни одного из рабочей молодежи, который не ходил бы на танцульки» (Третья Всероссийская конференция РКСМ. С. 244). Хорошей иллюстрацией этого может служить заметка Б. Татарникова «На переломе (изгнание халтуры из рабочих клубов)»: «В клубе Ириновской дороги был поставлен спектакль с участием Монахова. В зале было 19 человек. Рядом, в соседнем клубе, в этот же день был вечер с танцами – там не хватало билетов» (Красная газета. 1923. 6 янв.).

⁹⁵ ЦГА СПб. Ф. 4591, оп. 6, д. 82, л. 12.

⁹⁶ Петроградская правда. 1921. 22 нояб.

⁹⁷ Там же. 20 марта.

⁹⁸ Смена. 1921. 1 янв.

⁹⁹ Сорокин В. Клуб молодежи... С. 30.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Иванова З. М. Идеино-воспитательная работа Ленинградской комсомольской организации в годы первой пятилетки (1928–1932): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1975. С. 20.

¹⁰² Сб. материалов Петроградского комитета РКП. Вып. 6. С. 40.

¹⁰³ Смена. 1925. 12 февр.

¹⁰⁴ Рин Д. Политбой // Там же. 1924. 18 дек.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Там же.